

Предисловие

Об ангеле я узнал благодаря человеку по имени Дэвид, который был одним из тех, кто, увидев херувима — небожителя, решил поведать о нём всему миру. В начале нулевых годов этого тысячелетия он собрал команду гениальных людей и создал игру, которую так и назвал «Мессия».

Ангел в ней совершал разные поступки: хорошие и не очень, но все они вели к одной цели — поиску истины и первородного света, что, проникая в души людей, делал их ближе к чему-то высшему, роднил с ним и тем самым побеждал тьму.

Семена его «поступков» проронившись в душу мою, упали на истерзанную, но ещё не лишённую плодородного потенциала почву; понадобилось двадцать пять долгих лет, чтобы они наконец проросли, дали всходы и явили собой откровение, которое и будет оформлено мной в этот удивительный и таинственный рассказ.

Я поведаю вам историю, которая случится в городе, название которого на языке местных звучит как RedLight или Город Красных Огней. Город — звезда, город — исполин, который настолько огромен, что очертания его видны из космоса даже невооружённым взглядом.

Именно здесь, а точнее в одном из Секторов, этой гигантской шестиконечной звезды, и будут твориться судьбы наших героев. Все они гоняются за ангелом, а находят нечто большее... Знаете, я тоже решил от них не отставать и буквально прямо сейчас отправляюсь на поиски. Вы со мной?

Замечательно!

Но вот что перед этим следует отметить особо.

Мир Рэдлайт, как и любой другой реальный мир, имеет свои законы и правила, свободы и ограничения. Все они собраны воедино, описаны, систематизированы и обозначены в Уставе Отца, что является неотъемлемой частью Системы Справедливости города, в который мы вот-вот с вами и отправимся. Поэтому перед началом нашего путешествия я настоятельно рекомендую каждому ознакомиться с требованием Системы, текст которого располагается ниже на странице: уверяю, это не будет лишним!

Прекрасно!

А теперь: раз, два, три, четыре, пять — я иду искать,

Кто не видел ангела — я не виноват!

kydprime

КНИГА НЕЗНАКОМЦА

РОМАН

«Что было, то и будет; и что делалось,
то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.
Бывает нечто, о чём говорят: “Смотри, вот это новое”;
но [это] было уже в веках, бывших прежде нас.
Нет памяти о прежнем;
да и о том, что будет, не останется памяти у тех,
которые будут после».

(Екклесиаст. 1:9–11)

Глава 1.

Отец Дениэл

Дорогой читатель наверняка согласится, что в жизни каждого из нас случаются периоды, когда груз навалившихся хлопот и неожиданных забот, словно быстрый поток холодных вод, подхватывает и уносит нас в неизвестном направлении. Он кружит в водовороте будней, бросает на камни судьбы, и порой кажется, что способен уничтожить под толщей, раздавить, похоронить навеки в пучинах бытия наши чистые доселе устремления и помыслы, лишив всяческой надежды на справедливость и быстрое спасение. И лишь волевое устремление внутрь, к корням, к истинному существу и тому, что принято называть душой, способно выдернуть нас из этого смертельного танца страстей, вернуть на путь созидания и глубочайших смыслов, дарующих столь тёплое и приятное ощущение отрешённости и спокойствия.

Именно так и произошло с отцом Дениэлом, который, повинуясь извечному вселенскому закону обновления и будучи, безусловно, знакомым с философией бытия мироздания, его бинарностью и контрастами, пришёл сегодня в молельню Церкви Святого Отца.

Его цель была ясна: упразднить своего «внутреннего беса», толкнувшего его на необдуманный и, казалось бы, невозможный доселе поступок. Дениэл корил себя за несдержанность в общении с вверенной ему на поруки паствой — своей отбившейся от истинного промысла «сворой» маленьких еретиков и демонов. Именно так думал наш клирик, опуская своё худощавое тело на колени и складывая руки в блаженном смирении перед идолом Отца Всемогущего (с herm. Father Prime), который таинственно мерцал под грозно нависающим мраком сводчатых потолков.

Ему, самому молодому и, безусловно, талантливому Старшему Духовнику Церкви Отца, выпала самая неблагодарная и трудная задача. Эта задача несправедливо обошлась с ним сегодня, выведя из равновесия вечно смиренного и рассудительного падре.

Дениэл поступил на службу в духовную семинарию, будучи совсем юным, почти таким же, как и те молодые ребята, совсем ещё дети, которых он волею Отца Вседержителя должен был наставлять и умирять в их невежественном стремлении спорить и даже осуждать благородные помыслы своего наставника и представителя столь священной и почитаемой всеми Церкви Шестого Сектора. И вот теперь он вынужден, словно побитая

собственным поводком собака, бежать прочь от смутившего душу соблазна гордыни и гнева в тихую и всепрощающую колыбель Отца, в церковном устройстве называемую «комнатой молитв».

— О, Отец Вседержитель, прими меня в лоно Своего Всеобъемлющего разума, — начал молитву Дени, медленно закрывая глаза.

— Прости мне, Отче, мою спесь, моё тайное зло, мою гордыню и гнев, что словно ядовитая змея таились в сердце моём. Согрешил я, поддавшись низменным чувствам, смалодушничал, оттащав этого маленького еретика за ухо; да будет его душа омыта милостью Твоей!

Монах сделал глубокий вдох и продолжил:

— Маленькие, ещё совсем заблудшие души паствы Твоей, Отче, они совсем ещё глупы. Прошу, пошли в их головы разум, даруй терпимость и смирение в души их юные, даруй им надежду на свет и озарение чистым светом Твоим. Ибо на всё есть милость и всепонимание Твоё. Ибо воля Твоя — всепрощающая! — заунывный голос священника, отдаваясь звоном в сводах, гулким эхом разлетался по всей молельне.

Кругом горели свечи. В воздухе витал лёгкий, еле уловимый аромат церковных благовоний и всевозможных ритуальных дымов. Почти всё пространство большого холла заполняли скамьи для молящихся. Они сверкали отполированными до жемчужного блеска сиденьями из белого дерева и, отражая тусклый свет свечей, сливались в одно большое монотонное полотно, мерцая в такт зажжённым огонькам, что наполняло пространство еле уловимым, почти незаметным глазу движением; всё вокруг будто дышало одним непрерывным дыханием.

В такт этому дыханию в комнате появился некто. Тихой поступью, чтобы не отвлекать самозабвенно молящегося, он вошёл под своды, уселся на скамью у входа и, стараясь не выдать себя, слушал исповедь молодого Духовника. Его монашеская ряса то и дело тихо шелестела подолом, постоянно беспричинно болтаясь, словно она была таинственному гостю непривычна или немного ему велика.

Ещё будучи полностью погруженным в таинство молитвы, Дениэл невольно почувствовал, что кто-то или что-то вдруг появилось за его спиной. Стараясь не отрываться от священного таинства и подавив инстинктивный страх, на мгновение пробежавший по его животному существу, он продолжал:

— ...да не боюсь я ни тьмы, ни демона, ни соблазна на пути моём, Отче, ибо вера моя — есть спасение души моей, душа моя бессмертна, как и разум твой, Отче. Да придёт со мной сила и свет и голос твой вечный, зовущий к тебе. О, Отец! — Закончив на этом, он ещё мгновение держал веки закрытыми, словно погружая в себя всё сказанное, затем медленно открыл глаза, опустил руки и встал с колен.

Обернувшись, он бросил взгляд на маленький силуэт, сидевший на задних рядах возле входа в залу. Несколько мгновений он смотрел совершенно спокойным взглядом на сидевшую поодаль полутень, не отрываясь, словно пытаясь разглядеть лицо таинственного и юного незнакомца, но интуиция проницательного Духовника уже всю подсказывала, что силуэт этот, безусловно, ему очень хорошо знаком: белоснежные локоны резко остриженных книзу волос, ясные даже в этом сумеречном полумраке молельной комнаты серо-голубые глаза и островатый, слегка одёрнутый кверху нос выдавали в нём горячо любимого отцом Дениэлом ученика, юного подопечного Церкви Отца — Деспена.

— Что привело тебя сюда, сын мой? — громко и немного протяжно произнёс святой отец. — Не будет ли нечестным с моей стороны потревожить твои душевные устремления и узнать их суть, мой друг? — добавил он учтиво.

— О нет. Я искал Вас, отче... — совсем робко ответил ему юноша, словно испугавшись, что слова Старшего Духовника были намёком на то, что сам мальчик только что имел неосторожность бесцеремонно вторгнуться в таинство молитвы, возможно, тем самым ему помешав.

— Зачем ты искал меня, Деспен? — продолжал святой отец.

— Мне приснился сон, отче. Один из тех... — мальчишка сделал паузу и поднял глаза к идолу на стене.

Он сидел так какое-то время, всем своим естеством показывая, что ещё не всё договорил.

— Продолжай, Деспен. Здесь нет никого, кроме нас, — сделав несколько шагов вперёд, священник подошёл к мальчику и сел на противоположный ряд кресел.

Теперь он отчетливо видел молодое лицо юноши и мог хорошенько его разглядеть. Под небесного цвета глазами, на его бледно-розовой коже, от щёк до подбородка, по всему лицу были разбросаны веснушки, спадавшие, казалось, то ли с переносицы, то ли со лба. Они густо усыпали всё лицо и терялись

на шее, в складках монашеской рясы. Губы мальчика были сухие и неестественно поджаты. По подбородку бежала едва заметная дрожь. Дениэл ещё некоторое время смотрел на подбородок мальчика, затем медленно поднял глаза, чтобы как следует рассмотреть его всего, но, не успев сделать это, заметил, как во мраке на бледном лице сверкнула слеза, которая, скатившись по щеке и чиркнув по подбородку, сорвалась и исчезла в тёмных тканях монашеской рясы.

Теперь уже нежная, совсем отеческая забота согревающим потоком влилась в голос монаха:

— Что приснилось тебе, сын мой?

Дениэл отчётливо понимал, что мальчик чем-то сильно напуган, и только он, как самый близкий ему, а возможно, и единственный во всей вселенной человек, может помочь в этот трудный час.

— Не молчи, поговори со мной, Деспен! — всё так же мягко добавил он.

— Когда я засыпаю, я вижу один и тот же сон, отче: я вижу, как умираю. Я кричу от ужаса и страха, ибо тьма и мрак окутывают меня, увлекая в небытие. Каждую ночь мне снится одно и то же, отче, и как только ночь наступает, я чувствую страх. — Мальчик поднял беспомощные глаза и посмотрел на Дениэла так проникновенно, словно ожидая от него реакции.

Духовник молчал, подопечный продолжил:

— Знаю, я не должен испытывать страха смерти, отче. Ибо Слово Отца учит не бояться ни смерти, ни тьмы, ни демонов, ибо все во власти Отца, и ни один волос с головы моей не упадет без Его на то ведома. И я гуляю по небесным далям с молитвой, в умиротворении и блаженстве с именем Его на устах, бодрствуя, но во сне каждый раз иду долиною смерти, отче, — юноша глубоко вдохнул, задержал дыхание и, явно боясь произносить вслух следующие слова, прибавил:

— Вдруг это не просто сны, отче?

Сказав это, Деспен закрыл глаза и сделал глубокий выдох.

Слёзы, скопившиеся в уголках его глаз, хлынули неудержимым потоком по щекам и, слетев с веснушек, беззвучно утонули в его мягком монашеском одеянии. Дыхание мальчика сбивалось.

Дениэл встал с молельного сиденья и приблизился к нему, приговаривая: